

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности

■ **С.В. ИВАНЦОВ** – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А.С. ДОМНИКОВ – адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы определения (оценки) социальных последствий коррупционной деятельности, приводится авторская интерпретация определения индекса коррупционной пораженности государственной власти.

Ключевые слова: предупреждение коррупции; коррупционная деятельность; социальные последствия коррупции; индекс коррупции.

Criminological assessment of social effects of corruption

■ **S.V. IVANTSOV** – professor of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior, Doctor of Law, professor;

A.S. DOMNIKOV – post graduate student of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior

The article deals with the issues of designation (assessment) of social consequences of corruption; the author gives his interpretation of the index of governmental authorities' exposure to corruption.

Key words: prevention of corruption; corruption; social effects of corruption; corruption index.

Общепризнано, что коррупция – чрезвычайно опасное социальное явление, которое негативно влияет на устойчивость политической ситуации в стране, экономическое развитие, дестабилизирует общественный правопорядок, существенно снижает авторитет государственной власти, создает напряженность в обществе и в своих наиболее масштабных проявлениях представляет серьезную угрозу национальной безопасности.

Коррупция, подрывая основы государственности, на протяжении столетий является неотъемлемым негативным признаком самого государства¹. Еще в Древнем Риме среди специальных комиссий магистров была комиссия по взяткам и вымогательствам должностных лиц, учрежденная законом Calpurnia в 149 г. до н.э., которая разрабатывала конкретные меры борьбы с коррупцией и давала собственное определение незаконному вознаграждению должностных лиц².

Коррупция в органах государственной власти порождает недовольство общества, недоверие к действующей власти, непосредственно ведет к снижению уровня жизни подавляющей части населения, обесмысливает правосудие, лишает общество значительной части интеллектуального потенциала, не позволяя получить высшее образование наиболее талантливым людям, и в конечном итоге отрицает демократию по существу. Это далеко не все негативные последствия коррупции. Представляется, что именно поэтому в настоящее время в России вопросу коррупции уделяется особое пристальное внимание³. При осуществлении борьбы с коррупционной деятельностью внутри структур государственной власти Российская Федерация также реализует положения конвенций Организации Объединенных Наций, Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, рекомендаций Совета Европы и других международных организаций.

Сложившиеся международные стандарты оценки коррупционной деятельности позволяют грамотно подойти к изучению негативных социальных явлений, влекомых ею, определить ее системные признаки, «глобализационную» составляющую⁴. Неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. говорится о том, что одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должно стать совершенствование нормативного правового регулирования роли государства в борьбе с коррупцией⁵. Опасность современной российской коррупции – в ее массовости, проникновении во все сферы жизни общества, быстрой приспособляемости к новым условиям, в связи с чем доверие граждан страны к институтам государственной власти находится на низком уровне⁶.

Современные российские реалии таковы, что, несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех социальных механизмов, препятствует проведению и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности страны⁷. Возникает феномен

«бюрократического капитализма», представляющий собой слияние представителей бизнеса и власти на корыстной основе⁸.

Социальные и моральные причины распространения коррупции связаны с традициями, мировоззрением, культурой и включают разобщение и деморализацию общества, разрушение этических ценностей, недостаточное просвещение гражданского общества, гражданскую апатию и пассивность, общественную терпимость, социальную поляризацию, недобросовестную политическую конкуренцию, злоупотребление властью в отношении средств массовой информации⁹. Такое взаимодействие строится на укоренившихся в сознании населения принципах подкупа чиновников и подкрепляется не только сложившимися историческими традициями, но и современными реалиями. В результате коррупционные взаимосвязи, которые проникают во все сферы социума, приводят к развитию уверенности граждан в невозможности отстаивать свои права в законном порядке.

Оценивая коррупционную деятельность и ее социальные последствия, необходимо проанализировать эффективность государственной антикоррупционной политики на всех уровнях противодействия преступлениям подобного рода: федеральном и региональном, а также во всех звеньях ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Коррупция прочно вошла в жизнь современной России, стала неотъемлемым социальным фактором общественной жизни, активно влияя на формирование общественного сознания, моральных ценностей и устоев взаимодействия власти и граждан. Коррупционная деятельность, по крайней мере на бытовом уровне, не воспринимается как криминогенная среда, влияющая на формирование преступного общества.

Рассмотрим социальные последствия коррупции, которые условно можно разделить на материальные и нематериальные.

Прямой (реальный) материальный ущерб от коррупции в Российской Федерации выражается прежде всего в нецелевом использовании государственного и региональных бюджетов. Происходит изъятие части бюджетных средств при заключении государственных и муниципальных контрактов. Прямые экономические потери от коррупции, по разным оценкам, составляют от 20 до 40 млрд долларов в год. Косвенные экономические потери не поддаются точным оценкам, но масштаб их огромен¹⁰. Так, за получение «откатов» в течение последне-

го времени были задержаны крупные государственные и муниципальные чиновники, например: заместитель председателя правительства Волгоградской области Павел Крупнов (7 млн руб. от бизнесмена за содействие в получении государственного заказа на капремонт Волгоградского областного онкологического диспансера № 1)¹¹, ректор Государственного университета управления Виктор Козбаненко (7 млн руб. за заключение контракта с клининговой компанией на уборку помещений и территории вуза)¹², заместитель директора Московского научно-исследовательского онкологического института им. А.П. Герцена Сергей Безяев (29 млн руб. за заключение государственных контрактов на поставку высокотехнологичного медицинского оборудования для института)¹³ и др.¹⁴

По данным Следственного комитета Российской Федерации, ущерб от коррупции в органах власти с начала года достиг без малого 8 млрд руб. При этом 1,3 млрд руб. были возвращены в казну, наложен арест на имущество на сумму 1,2 млрд руб. В производстве с начала года находилось более 20 тыс. уголовных дел о коррупции, что на 7 тыс. больше, чем в прошлом году. В 2012 г. в мировом индексе восприятия коррупции, составленном неправительственной организацией «Transparency International», Россия заняла 133-е место из 176 стран. В 2011 г. она была 143-й, но изменение в рейтинге, как поясняет «Transparency», обусловлено новой методикой подсчета, а не какими-либо успехами России¹⁵.

В косвенный материальный ущерб от коррупции следует включить и те негативные материальные последствия, которые могут наступить (или наступили позже) в результате нарушения условий государственных закупок. Например, недобросовестные поставщики, состоящие в сговоре с государственным заказчиком, экономят на материалах при строительстве зданий, нарушают технологические процедуры при выполнении работ или оказании услуг, нарушают сроки сдачи готовых работ и т.д., что может повлечь возникновение техногенных катастроф, материальные и людские потери, которые носят невосполнимый характер.

Переходя к нематериальным последствиям, сразу оговоримся, что их классификация схожа с факторами, детерминирующими коррупционную деятельность, и это неслучайно. Как и любой другой вид преступности, коррупционная деятельность детерминирует саму себя. Общество и власть,

находясь в отношениях подчиненности, вынуждены находить пути соприкосновения и решения возникающих проблем, при этом основной целью той и другой стороны является личное обогащение.

Социальные последствия коррупционной деятельности рассматриваются большинством отечественных и зарубежных специалистов в области социологии и права в качестве одной из основных характеристик криминогенных явлений¹⁶. Основной причиной «коррупционной скрытности» является взаимная заинтересованность обоих субъектов этой деятельности. Случаи огласки возникают только при проведении различных оперативно-розыскных мероприятий (провокация взятки), а также при неудовлетворенности достигнутыми результатами подобной «сделки».

Становясь достоянием гласности, факты коррупционной деятельности ставят под сомнение саму легитимность существования власти, а «резервирование» части доходов для подкупа должностных лиц ведет к снижению уровня жизни подавляющей части населения. Так, по экспертным оценкам фонда «ИНДЕМ», ежегодно около 55 млн россиян передают чиновникам различных органов власти в качестве взяток более 36 млрд долларов, из них только около 3 млрд долларов россияне вкладывают в рынок «бытовой коррупции»¹⁷, а остальные 33 млрд долларов выплачивают чиновникам российские бизнесмены¹⁸. По другим данным, общее количество получаемых чиновниками незаконных вознаграждений и выплат в течение года составляет не менее 520 млрд руб.¹⁹ Есть предположение, что объем взяток, получаемых российскими чиновниками, находится в пределах 16 млрд долларов²⁰. Специалистами отмечается, что только малые предприятия современного российского бизнеса ежегодно тратят на взятки чиновникам не менее 6 млрд долларов²¹. Эти данные о последствиях коррупционного поведения чиновничества находят свое подтверждение в работах отечественных ученых, проводящих социологические исследования феномена коррупции²².

Политические последствия коррупции выражаются в недоверии к органам государственной власти. Известный русский философ И.А. Ильин писал, что Россия при ее объемах и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость не определялась: безволием правителей, противодействием партий или международной зависимостью. Русская госу-

дарственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубонасильственной. Она должна быть ответственной и творческой, с «дальнозоркой» большой идеей, чистыми руками и жертвенным служением²³.

Сегодня коррупционная деятельность дискредитирует институт права как основной политический инструмент регулирования жизни государства и общества. В центр предвыборных дискуссий неизбежно выдвигаются вопросы о социальной цене реформ, социальной справедливости, коррупции и приоритетах будущей государственной политики²⁴.

Проводимые в настоящее время реформы антикоррупционного законодательства, а также изменения в информационной открытости государственной власти предполагают позитивные результаты. Так, нами в ходе опроса бывших сотрудников правоохранительных органов, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных к лишению свободы, был задан вопрос об оценке степени открытости и прозрачности антикоррупционной деятельности органов государственной власти (проанкетированы лица, осужденные к лишению свободы за преступления коррупционной направленности (ст. 159, 285, 286, 290 УК РФ) и отбывающие наказание в ИК-3 УФСИН России по Рязанской области, ИК-5 УФСИН России по Республике Мордовии, ИК-11 УФСИН России по Нижегородской области, ИК-13 УФСИН России по Свердловской области). Полученные результаты не позволяют положительно оценить проводимые реформы: лишь 10,8% опрошенных оценивают антикоррупционную деятельность органов государственной власти как открытую и прозрачную для общества; 42%, наоборот, отмечают ее закрытый характер; 32,8% – снижение степени открытости и прозрачности.

Нравственные (моральные) последствия коррупционной деятельности определяются существованием общества. Масштабы коррупционной деятельности формируют у населения двойные стандарты морали и поведения. Это приводит к тому, что мерой всего в обществе становятся деньги, значимость человека определяется размером его личного состояния независимо от способов его получения, происходит девальвация и слом цивилизованных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права, религии, общественного мнения и др.²⁵

Особо следует остановиться на оценке структурных свойств коррупционной пре-

ступности. В криминологии используют такой показатель, как индекс (коэффициент) пораженности преступностью различных слоев и групп населения. Этот показатель представляет собой отношение удельного веса преступников из определенной категории граждан ко всем гражданам данной категории в структуре населения²⁶. Величина этого показателя позволяет определить степень криминогенности общества, а также частоту воспроизводства преступников из общей среды населения. В целом данный показатель также определяет и влияние криминальной субкультуры на население в регионах, с его помощью можно определить влияние коррупционной преступности на правовой нигилизм чиновников и государственных деятелей.

Оценивая уровень коррумпируемости аппарата чиновников, можно применить следующую формулу: $I_{\text{кп}} = n / N * 100\%$, где $I_{\text{кп}}$ – это индекс коррупционной пораженности государственной власти, n – количество должностных лиц, привлеченных за коррупционные преступления, N – общее количество должностных лиц в структурах государственной власти. Данный индекс также можно применять и к конкретным министерствам и ведомствам. Он позволит определить те структуры государственной власти, которые наиболее подвержены коррупционным рискам. На основании полученных данных можно более успешно планировать работу по предотвращению коррупционных фактов. Доказательством необходимости проведения такой работы служат результаты опроса осужденных сотрудников правоохранительных органов, о которых ранее упоминалось. Так, на вопрос «Как вы оцениваете свой уровень готовности в будущем совершать коррупциогенные поступки?» 30,8% ответили, что готовы их совершать вновь, так как в нашей стране это норма жизни, у 25,8% совершение такого поступка будет зависеть от конкретной ситуации, у 21% – от материальной выгоды, лишь 3,8% опрошенных отметили, что никогда не совершат коррупциогенных поступков.

Таким образом, анализ взаимосвязи негативных социальных явлений и коррупционной деятельности приводит к неутешительным выводам. Сегодня в России происходит перманентная деградация общественных отношений, что сказывается не только на внутривнутриполитической обстановке, но и на международном имидже России. В основе коррупционной деятельности лежит стремление государственных служащих к матери-

альному обогащению, при этом российская специфика проявляется в росте сумм взяток при существенном увеличении зарплаты чиновников. Данная особенность также обосновывается повышенным вниманием со стороны высших должностных лиц к проблемам коррупции в России, а это происходит на фоне всеобщей доступности информации о доходах чиновничьего аппарата.

Между тем открытость информационного пространства не сдерживает желания чиновников обладать незаслуженными ма-

териальными благами и пребывать в привилегированном социальном положении. Обладание властью без должного материального окружения социально развращает современного чиновника, а также выступает в качестве своеобразного стабилизатора, сохраняющего неизменность (неприкасаемость) его должностного положения. При этом причинные факторы коррупции, определяющие ее негативные социальные последствия, способствуют развитию «субкультуры коррупционного поведения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чершинцев В.С. Коррупция и российская уголовная политика // Российский следователь. 2007. № 7.

² См.: Покровский И.А. История римского права. СПб., 1918. С. 126.

³ См.: Занина Т.М., Позднякова Е.В. К вопросу о коррупции в органах внутренних дел // Общество и право. 2009. № 3. С. 240.

⁴ См.: Карпович О.Г. Коррупция в современной России. М., 2007. С. 33.

⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88.

⁶ См.: Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. М., 2006.

⁷ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012 г.) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции» // Российская газета. 2010. № 79.

⁸ См.: Нечевин Д.К., Поляков М.М. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации: административно-правовые аспекты / Под ред. И.М. Мацкевича. М., 2013. С. 24.

⁹ См.: Мартыненко Б.К. Причины коррупционного насилия в современной России // Общество и право. 2009. № 5. С. 75.

¹⁰ См.: Нечевин Д.К., Поляков М.М. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации: административно-правовые аспекты. С. 9.

¹¹ См.: <http://v102.ru/investigation/37616.html>

¹² См.: www.compromat.ru/page_33127.htm

¹³ См.: www.s-pravdoy.ru/protiv-korruptcii/19319-2013-02-11-144720.html

¹⁴ См.: www.kasparov.ru/material.php?id=4E8C0D8704819

¹⁵ См.: www.mmmirkutsk.ru/sk-rossii-podschital-ushherb-ot-korruptcii/

¹⁶ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1999. С. 211.

¹⁷ См., напр.: Хамицкая Г. Пейджер – антикоррупционер // Российская газета. 2002. 22 авг.

¹⁸ См.: Воробьев В. ИНДЕМ – куда идем... // Там же. 29 июня; Выжutowич В. Портфельная революция // Там же. 2003. 17 мая.

¹⁹ См.: Шкель Т. Не пойман, но вор // Там же. 2002. 5 дек.

²⁰ См.: Ямашев Б. Присядьте пока... // Там же. 2003. 13 марта.

²¹ См.: Дегтярев А., Маликов Р. Коррупционная основа административных барьеров // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 85.

²² См.: Шебалова Л. Две взятки в год дают в среднем татарстанцы чиновникам разного уровня // Восточный экспресс. 2003. № 9 (110).

²³ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 490.

²⁴ См.: Левашов В.К. Российское общество и социальное знание // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 3. С. 36.

²⁵ См.: Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.Р., Хомутова А.В. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции. Владивосток, 1999. С. 178–190.

²⁶ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2009. С. 70–71.

¹ См.: Chershincev V.S. Korruptcija i rossijskaja ugovolnaja politika // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 7.

² См.: Pokrovskij I.A. Istorija rimskogoprava. SPb., 1918. S. 126.

³ См.: Zanina T.M., Pozdnjakova E.V. K voprosu o korruptcii v organah vnutrennih del // Obshhestvo i pravo. 2009. № 3. S. 240.

⁴ См.: Karpovich O.G. Korruptcija v sovremennoj Rossii. M., 2007. S. 33.

⁵ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // Rossijskaja gazeta. 2009. № 88.

⁶ См.: Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. M., 2006.

⁷ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.04.2010 g. № 460 (red. ot 13.03.2012 g.) «O Nacional'noj strategii protivodejstvija korruptcii i Nacional'nom plane protivodejstvija korruptcii» // Rossijskaja gazeta. 2010. № 79.

⁸ См.: Nechevin D.K., Poljakov M.M. Polnomochija prokuratury po protivodejstviju korruptcii v Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovye aspekty / Pod red. I.M. Mackevicha. M., 2013. S. 24.

⁹ См.: Martynenko B.K. Prichiny korruptcionnogo nasilija v sovremennoj Rossii // Obshhestvo i pravo. 2009. № 5. S. 75.

¹⁰ См.: Nechevin D.K., Poljakov M.M. Polnomochija prokuratury po protivodejstviju korruptcii v Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovye aspekty. S. 9.

¹¹ См.: <http://v102.ru/investigation/37616.html>

¹² См.: www.compromat.ru/page_33127.htm

¹³ См.: www.s-pravdoy.ru/protiv-korruptcii/19319-2013-02-11-144720.html

¹⁴ См.: www.kasparov.ru/material.php?id=4E8C0D8704819

¹⁵ См.: www.mmmirkutsk.ru/sk-rossii-podschital-ushherb-ot-korruptcii/

¹⁶ См.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, V.E. Jeminova. M., 1999. S. 211.

¹⁷ См., напр.: Hamickaja G. Pejdzher – antikorrupcioner // Rossijskaja gazeta. 2002. 22 avg.

¹⁸ См.: Vorob'ev V. INDEM – kuda idem... // Tam zhe. 29 ijunja; Vyzhutovich V. Portfel'naja revolucija // Tam zhe. 2003. 17 maja.

¹⁹ См.: Shkel' T. Ne pojman, no vor // Tam zhe. 2002. 5 dek.

²⁰ См.: Jamashev B. Prisdad'te poka... // Tam zhe. 2003. 13 marta.

²¹ См.: Degtjarev A., Malikov R. Korruptcionnaja osnova administrativnyh bar'erov // Voprosy jekonomiki. 2003. № 11. S. 85.

²² См.: Shebalova L. Dve vzjatki v god dajut v srednem tatarstancy chinovnikam raznogo urovnja // Vostochnyj jekspress. 2003. № 9 (110).

²³ См.: Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1994. T. 3. S. 490.

²⁴ См.: Levashov V.K. Rossijskoe obshhestvo i social'noe znanie // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2009. № 3. S. 36.

²⁵ См.: Kuznecov Ju.A., Silinskij Ju.R., Homutova A.V. Rossijskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo o merah protivodejstvija korruptcii. Vladivostok, 1999. S. 178–190.

²⁶ См.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva i V.E. Jeminova. M., 2009. S. 70–71.